

Папка милосердия

Я заглянул в соседние кабинеты в надежде найти Пасюка или хотя бы Гришу Шесть-на-девять, но их нигде видно не было, и я даже подумал, не заглянуть ли к Свирскому, но тут же отогнал эту мысль: только этого не хватало — разыскивать документы у начальника отдела! В конце коридора показался Жеглов, и я вздохнул с облегчением, — наверное, он-то в курсе, носил кому-нибудь по начальству дело, или, может быть, Панков приезжал, пока я беседовал с Соболевской.

Поскрипывая сапогами, Жеглов приблизился ко мне, хлопнул по плечу:

— Ну, орел, чего слышать на белом свете и его окрестностях?

Не отвечая на его праздный вопрос, я сказал как можно безразличней:

— Мне с делом работать надо, а ты скачал, не сказавши адреса...

— Что, что? — Не понял Жеглов. — Какого адреса?

— Ну, дело уголовное, груздевское... — Забормотал я, пытаюсь сохранить остатки видимости спокойствия. — На рабочем столе у меня лежало...

— Груздевское? На рабочем столе лежало? — Зловеще переспросил Жеглов и зыркнул на меня острыми своими глазами. — И что? Где оно теперь?

Я развел руками:

— Нету... Я думал, ты скачал...

— Да ты что, Шарапов?! Соображаешь, что говоришь? Ну-ка, ну-ка... — И он бегом устремился в наш кабинет. — Где, говоришь, лежало — на твоём столе? Когда? — И лицо у него при этом было такое, что меня начала бить крупная дрожь.

— Ну... это... когда я письма Соболевской... подруги читал... А потом сразу к ней поехал — дело на рабочем столе оставалось...

Глаза у Жеглова превратились в узкие щелочки, лицо окаменело. Он сказал негромко:

— Тараскин, возьми людей, перейди с ними в соседний кабинет... а то мы тебе помешаем...

И пока Тараскин скачивал файлы на флешку, уводил потерпевшую и девочку, Жеглов тяжело молчал, и молчание это давило меня тысячепудовой глыбой, давило просто невыносимо; чувствовал я, случилось что-то ужасное. И после ухода Тараскина Жеглов еще сколько-то молчал, грузно опустившись на стул, о чем-то сосредоточенно думал, наконец спросил:

— В общей папке смотрел? Нету?

Я покачал головой.

— В кабинете был кто, когда ты уезжал?

— Нет. Я его запер...

— Беги к тете Нюше, уборщице. Ключ только у нее есть...

Я побежал в каштерку, где тетя Ньюша неспешно попивала чаек. Но в кабинет она не заходила и, следовательно, ничего про дело знать не знала. Я вернулся к себе. Жеглов по-прежнему сидел за своим столом и зло сопел.

— Куда ж оно могло деться, Глеб? — Спросил я с ужасом. Я ведь и не представлял себе, что какая-то вещь может пропасть с запароленного компа в МУРе!

— Куда могло деться? — Прошипел он. — А плакатик около входа в столовую видел?

Видел я этот плакат, он еще в первый день привлек мое внимание: нарисована коричневая кобура с красным шнуром, из нее торчит рукоятка нагана, рядом скрючилась когтистая волосатая лапа, и надпись в два метра: «Товарищ! Береги оружие! К нему тянется рука врага!»

— Видел, — сказал я понуро.

— Дело-то поважнее нагана будет, а?.. Ты когда-нибудь у меня на рабочем столе документы видел? Вот так, чтобы меня за компом не было, а дело было бы открыто?

Я действительно не видел.

— Ты его целиком и не скачивал, — сказал я угрюмо. — Работаем с ним мы — то я, то Пасюк или Тараскин...

— Правильно, — сказал Жеглов. — Ну а с отдельными документами я работаю?

— Работаешь. Ну и что?

— Вот ты, к примеру, прочитал у меня на компе хоть один документ, с которым я работаю?

Я вспомнил уже давно удивившую меня привычку Жеглова — если кто-нибудь подходил к его столу, он незаметно сворачивал окно, которое читал в то время, или открывал какое-нибудь другое окно, программу или папку.

Спрашивать об этом я постеснялся, да и знал с детства, что чужое письмо читать неприлично. Вот он вроде такому неприличию и препятствовал, сворачивая документы...

— Нет, не читал, ты их всегда сворачиваешь, — буркнул я, еще не понимая, куда он клонит.

— А вот почему — над этим ты не задумывался? Я тебе объясню. За иную бумажку на моем рабочем столе или на твоём — это безразлично — жулик подчас готов полжизни отдать, понял? От вас-то у меня секретов нет и быть не может, сам понимаешь. Но это привычка, железная привычка, отработанная годами, понял? Никогда никакого документа постороннему глазу! — Жеглов поднялся и стал рассказывать по кабинету, потом сказал устало: — А тут целое дело пропало... Боже мой, что же это будет?

12.02.2008